

МАНДАРИНОВЫЙ ИЮНЬ

— Итак... победителем конкурса «Охота на Диму»... объявляется... Ася Акимушкина!

И «конференсье» — рыжая Катька из параллельной группы — принялась аплодировать.

— Йес! Ура! Банзай! — подхватили остальные девчонки.

Пожилая профессорша, случайно забредшая в студенческую курилку, поморщилась:

— Поттише, деточки, не на базаре...

— И чего вы тут, правда, разорались? — досадливо поморщилась Ася.

— Так это ж мы от счастья неземного, — недобро пропела одна сокурсница. — Очень рады мы за тебя, Акимушкина.

— И желаем, чтоб вы прожили с Димочкой всю жизнь в любви да согласии, — подхватила другая, — покада смерть не разлучит вас.

«Шипите, кобры, шипите», — усмехнулась про себя Ася. Она старалась, как учили на психологии, «настроиться на позитивный лад» — только не получалось. И больше всего ей хотелось схватить с подоконника «пепельницу», жестяную

банку из-под кофе, — сейчас, после пятой пары, окурки заполняли ее под завязку — и швырнуть в стену, да так, чтоб противных девчонок засыпало содержимым с ног до головы.

Вот злобные мымыры! Хотя однокурсниц тоже можно понять — в «охоте на Диму» участвовали всем коллективом, а победа досталась единолично ей, Асе. С ее обычным лицом, заурядной фигуркой и постоянной пропиской в поселке Марково Смоленской области.

Марково — местечко умирающее: два с половиной молодых мужика, да и те алкаши с юных лет. Девчонки оттуда, конечно, рвутся в город. В Смоленск, в Липецк. Ну а самый идеал — это, безусловно, Москва.

Когда Ася объявила, что поступила в институт в Белокаменной, мама сначала обняла ее так, что косточки захрустели. Потом заплакала. А отрыдавшись, воскликнула:

— Прошу тебя, сделай все — только чтоб сюда не возвращаться! Выходи за любого: пусть старик, пусть не красавец. Хоть кто, лишь бы за столицу зацепиться...

Столица из их Маркова казалась почти другой планетой. Глянцевая картинка, напоенная ароматом мандаринов. Ася и подумать боялась, что в этом душистом мирке найдется местечко и ей. Однако жизнь повела себя, как отцовский «уазик»: вроде бы безнадежно застрял в колее,

колеса зарылись по самую маковку, оставляй машину и веди трактор на вырубку... И уже безнадежно, в последний раз даешь по газам — и вдруг визг шин, ошметки грязи из-под колес, и вот, глядишь, вырулили!

Так Ася и в столицу вырулила — неожиданно-негаданно. И самого Димку Дементьева отхватила!

Димка на их факультете — не просто принц, а принц крови. Злые языки, правда, болтают, что принцем его папочка делает — бизнесмен большого влияния и денег и сам Дима ничего собой не представляет. Однако красоты, бархатного голоса, да и ума у сыночка не отнять. Как пройдет по коридору, весь в «Хьюго Боссе», как улыбнется мимолетно синейшими глазами (злопыхатели говорят, что это у него контактные линзы такие), так сердечко и екает. И сразу чувствуешь себя тем, кто ты есть на самом деле: девчонкой без кола без двора — все богатство на двух полках общежитского шкафа умещается.

С Димкой даже в курилку сходить почтешь за счастье. Если позовет в кино — потом неделю возвышенные сны видишь. А уж дождаться, чтобы он сказал, как ей вчера: «А переезжай-ка, подруга, ко мне...»

— В смысле? — опешила тогда Ася.

— Хочу, чтобы ты у меня жила, — терпеливо повторил Дима. — Присмотримся друг к другу.

Адаптируемся, как говорится, к личным привычкам. А осенью, если согласна, — поженемся.

— Поженемся? — глупо переспросила она.

— А ты не хочешь, что ли? — удивился он.

— Да нет, хочу, конечно... — Просто поверить было невозможно, что Димон не прикалывается!

— Ну тогда и разговоров нет. Сегодня собираешь манатки, а завтра я тебя перетаскиваю. Прямо с утра. Чтоб ты передумать не успела. — Димка ослепительно улыбнулся.

Вещи Ася паковала без азарта — прямо скажем, не верилось, что Дементьев предлагает всерьез. Однако на следующее утро к общежитию правда подкатила ослепительная «Тойота», а Димка взлетел на их этаж и забарабанил в дверь комнаты:

— Алё, девчонки: такси пришло!

Зашвырнул в багажник скромные Асины чемоданы, а через час она уже развешивала вещи в красивейшем зеркальном шкафу. И каждые пару минут бегала к окну — убедиться, что она не грезит. Что за тройными стеклопакетами — самая настоящая Тверская, полная дорогих машин и красивых женщин.

Так и балдела б хоть вечность, да Димка позвал:

— Аська, вылазь! Я кофе сварил.

И вот она уже проходит сквозь огромный

холл, и Димка (он босиком, потому что полы во всей квартире подогреваются) предлагает:

— Вот, смотри: самое уютное место в кухне — тут, в уголке. Обычно я сам здесь сижу, но, если ты очень попросишь...

...Пока Ася «просила», кофе успел остыть. Но даже холодный, он оказался божественным. А главное: наливал его Дима в чашки нежнейшего фарфора из благородной, тусклого серебра, турки, и стояли чашки на старинном, красного дерева, столе, а за окном кипела центральная улица столицы...

— Супер, — выдохнула Ася.

— Если хочешь, по утрам в постель буду приносить, — благородно предложил Димка.

— Нет, Димон, я все же не понимаю... — покачала она головой.

— Чего?

И Ася честно сказала:

— Ну за тобой же все наши девчонки бегают. Москвички, красотки, таланты. А ты вдруг меня выбрал...

— Вот за то и выбрал! — хохотнул Дементьев. — За искренность. За душевность. За простоту. Да и внешность у тебя вполне ничего, зря ты.

Ася недоверчиво покачала головой.

— Ну, и еще мне отец давно говорит, чтоб я себе ограничитель скорости завел, — признался Димка.

— Это что значит?

— Да то, что я по жизни мчусь. На всей скорости, без тормозов. Ну, иногда меня и заносит... в канавы. А ты — девушка здравомыслящая. Вот и будешь меня притормаживать.

— Пиво, что ли, после пятой бутылки отбирать? — лукаво уточнила Ася.

— Ну, типа того, — вздохнул Дима. — Хотя самый кайф только после пятой и начинается...

— Ладно уж, не стони. Особо притеснять не буду, — заверила его Ася.

— И посуду мыть не заставишь?

— Нет. — Ася легко порхнула к раковине, включила воду. — Но разные поручения давать буду. Знаешь, какое на сегодня?..

— В кабак сходить. Отметить вместе с тобой начало семейной, так сказать, жизни, — охотно предположил Дима.

— Ничего подобного, — покачала головой Ася. — В первую очередь нужно на автосервис сгонять.

— Это еще зачем? — изумился Дементьев.

— Не слышишь, что ли, как твоя колымага скрежещет? — в свою очередь, удивилась Ася. — У тебя ж тормозные колодки в ноль стерты!

— Ты разбираешься в машинах? — захлопал глазами Дима. Кажется, ей чуть ли не впервые удалось его удивить. — Вот никогда бы не подумал...

— А тебя со мной еще ждет множество чудесных открытий, — пообещала Ася.

...И действительно старалась чуть не каждый день удивлять. То по хозяйству хлопотала: пироги с капустой пекла по секретному маминому рецепту или коктейль «Пять оргазмов» взбалтывала из книги эротической кулинарии. Или мебель в квартире переставляла — совсем слегка, но так, что потолки еще выше казались, а антикварная мебель — еще благороднее. Ну и помимо хозяйства: исполнить танец живота в ночном клубе. Исправить ошибки в Димкиной контрольной по английскому. Или сгорланить душевный «Шумел камыш» — в полный голос, под собственный аккомпанемент на старинном рояле...

— Ты, Аська, просто глупышка, — сказал ей Дементьев после месяца «семейной жизни».

— Вот еще новости! — возмутилась Ася (как-то незаметно, но робеть перед своим прекрасным принцем она уже перестала). — Почему?

— Да потому, что такой скромницей притворялась, — чуть не с досадой ответил Димка. — Я-то думал: простая деревенская девочка. Будешь моей бледной тенью. А у тебя, оказывается, груда разнообразных талантов...

— Ты этим недоволен? — царственно улыбнулась Ася (царственно улыбаться она тоже уже научилась).

— Ну что ты, солнышко! — Димка растроганно чмокнул ее в переносицу. — Я тобой горжусь.

...Саму Асю в ее новой жизни тоже ждали открытия. И мелкие — вроде того, что в джакузи, оказывается, валяться куда приятней, чем в почернелой от времени общежитской ванне. И посерьезней — что с этой элитой, самим Димкой, его друзьями, а пуще — с его папашей ухо нужно держать остро, иначе заклюют! Ну, и еще Ася, можно сказать, философское открытие сделала. Сформулировала она его так: чем больше блеску, тем пустее нутро. А она-то, дура, раньше считала: чем ярче бриллиант, тем ценнее. Но в Москве порядки оказались другие: тут только бижутерия «пыхает».

Взять хотя бы Димку: пока смотришь издали — принц, натуральный принц. А поживи с ним почти что семьей — и узнаешь множество совсем не королевских подробностей. Вот, например, притча во девчоночьих языцах, его якобы шикарная фигура, а на самом-то деле тело у Димки дрябловатое, ни одной мышцы нет. А ослепительный вид создается умело подобранной одеждой — и Димка, кстати, даже выбрать ее сам не может, а раз в месяц делает покупки под чутким руководством своего папочки. А не менее ослепительная «Тойота», на которой Димон обожает изображать из себя крутого гонщика? Если присмотреться, непременно заметишь: несчаст-

ная машина вся в «шрамах» от неудачных парковок великого «Айртона Сенны». Ну и, наконец, ум. В институте почему-то никто не сомневался, что Дементьев чертовски умен, — но это тоже оказалось под большим вопросом... Нет, Димкины пятерки в институте, конечно, вполне честные, но подумаешь, доблесть: освоить немудреную учебную программу. А по жизни — когда, например, нужно принять мгновенное решение или придумать нестандартный, но ловкий ход — Димка сразу теряется...

Вот, скажем, все кругом хотят собственный бизнес делать — и Димочка, конечно, тоже пытается. Придумал, например, автомобильные наклейки на задние стекла продавать, с прикольными надписями — всякая глупость типа «Куда прешь?» или «В машине — кобра!». Не самая блестящая идея, но «чайники» на ржавых «шестерках», может быть, покупать и будут. Если дизайн сделать красивый да напечатать ярко. И что же? Дизайн Дима, как Ася его ни отговаривала, разработал сам — в итоге получилось на уровне стенгазеты. А напечатал, чтоб денег поменьше вложить, в забытой богом типографии «в полторы краски». Вышло, конечно, дешево — зато настолько тускло, что Димкины наклейки сразу же стали ассоциироваться у Аси с унылым, дождливым ноябрем...

Конечно, покупать наклейки никто не стал —

сколько ни мотались Дима с верной Асей по автомобильным оптовикам да магазинам «Автозапчасти», они сумели впарить «на реализацию» полторы тыщи штук. Остальные восемь с половиной тысяч остались без пользы валяться, нераспакованные, под столом в Димкином обставленном антиквариатом кабинете. А одну, с коброй, он на свою «Тойоту» прицепил — как вечный памятник своим деловым талантам.

Ася решила с Димкиному папе намекнуть — они уже общались довольно коротко, большой босс даже разрешил его на «ты» величать, — чтобы тот сына хотя бы проконсультировал, раз запретить его дурацкие эксперименты не может. Но Дементьев-старший только расхохотался:

— Да пусть его! Нехай балуется. Деньги небольшие...

«Дал бы ты лучше *мне* хотя бы треть тех денег, которые твой сын на всякие глупости уже просадил», — грустно подумала Ася. Но просить отца Димы, конечно, ни о чем не стала.

И Димка с азартом продолжал свои эксперименты в области бизнеса. Рассылал наложенным платежом древнерусские заговоры, способные якобы раз и навсегда излечить от пьянства. (Текст заговора, конечно, придумал сам.) Продавал оптом «китайский Ливайс», но предусмотрительные оптовики всегда сначала брали одну пару на пробу. Выясняли, как уже выяснила и Ася, что

джинсы безнадежно расползаются после первой же стирки. И больше к Диме не обращались.

А в самый разгар сессии он вихрем ворвался в библиотеку, где Ася корпела над «Экономикс» Макконнелла и Брю. Заглянул ей через плечо, прочитал:

— «Позитивная экономика формулирует научные представления об экономическом поведении...» Фу, Аська, какая тоска! Сплошная схоластика. А я тут такое дело проворачиваю, на сто миллионов!

И пренебрежительно захлопнул ее учебник — Ася даже не успела запомнить, на какой странице остановилась.

— Знаю я твои «сто миллионов»... — досадливо пробормотала она.

Впрочем, бормотала так тихо, что Димка переспросил:

— Что?

— Ладно, пойдем покурим. Расскажешь, — вздохнула Ася.

...Новый бизнес оказался под стать всем предыдущим — Димка решил взяться за оптовые поставки фруктов. Совсем неплохая идея, если заняться ею с умом. Однако первый шаг в новом бизнесе планировался такой: нужно было перебраться из Москвы в Краснодар фуру с мандаринами.

Ася так и села — прямо на щедро присыпан-

ную пеплом скамеечку в курилке. И осторожно спросила:

— Димка, а ты подумал, что сейчас июнь? А Краснодар — это на юге, там уже, наверно, полно и клубники, и черешни. Зачем им мандарины?!

— Мандарины всегда нужны, — отмахнулся он. — Тем более что отдают их за сушие копейки. В любом случае я в убытке не останусь.

Ася лихорадочно соображала:

— Но почему именно в Краснодар?! Раз уж есть мандарины — давай отвезем их... хотя бы в Мурманск! Там до первых фруктов еще далеко, и мандарины действительно могут раскупить.

— Говорю ж тебе: все продумано! — снисходительно ответил Димка. — Если в Мурманск ехать — нужно фуру искать, бензин оплачивать, понимаешь, какие это расходы? А так — и грузовик, и даже бензин бесплатные получатся! И знаешь почему? — Он триумфально взглянул на Асю.

«Не удивлюсь, если выяснится, что ты угнал грузовик», — с долей презрения подумала она. Но покорно спросила:

— И почему же?

— Потому что я уже нашел фуру, которую нужно доставить именно в Краснодар. Тут знаешь в чем фишка? Шофер в Москву черешню привез и с аппендицитом свалился. А машина в

Краснодаре нужна. Срочно. И они там мне ножки расцелуют, если я ее пригоню. Ну и против мандаринов моих, конечно, возражать не будут. Им-то что? Лишь бы фура в целости и сохранности прибыла. Так что смотри: кругом одна выгода. Мандарины я беру за копейки, фуру — на халяву. И продам свои фруктики, уверяю, с хорошей прибылью. Так что прошу дискуссию считать закрытой. Завтра с ранья отбываю, ты мне только бутербродов в дорогу сделай.

— Завтра же зачет! — пискнула Ася.

— Плевать я на него хотел! — фыркнул Димка. — Тут такое дело, сейчас обернемся — и на Канары поедем, заметь, на собственные средства, а ты о каких-то зачетах...

«Интересно, что скажет твой папа?» — подумала Ася.

Но озвучивать свой вопрос не стала: чего зря воздух сотрясать? Она и так не сомневалась, что Димкин отец поездку с мандаринами в солнечный Краснодар не одобрит...

...Но всю степень отцовского неудовольствия, оказывается, не смогла предсказать даже прозорливая Ася.

Этим вечером папаша пожаловал на Асину кулебяку — и Димка, конечно, тут же доложил ему о своих наполеоновских планах. Отец выслушал молча, а потом... Ася впервые видела обычно сдержанного большого босса в настоящей яро-

сти. Он железным голосом приказал сыну пройти в кабинет, и началось... «Лопух», «Митрофанушка», «дегенерат» и даже «выродок» — вот какие слова доносились из-за неплотно прикрытой двери.

А когда красный от злости папаша вместе с бледным от огорчения Димочкой снова показались в столовой, отцовский приговор оказался таким:

— Ни в какой Краснодар Дмитрий, безусловно, не едет.

— Но говорю же тебе... — безнадежно начал Дима.

— Ма-а-алчать! — рыкнул отец.

Вот это тембр так тембр: с потолка даже кусочек вековой лепнины осыпался.

— Но как же быть с мандаринами? — пробормотала Ася. — Фура-то уже загружена...

— Натё вам! — Димин папа презрительно хлопнул по столу тощенькой пачкой долларов. — На покрытие убытков.

Деньги упали прямо в блюдо с роскошной недоеденной кулебякой. А отец поправил сбившийся в гневном порыве галстук и уже спокойно сказал:

— Если, Дмитрий, ты завтра не появишься на зачете... Я лично проверю. Тогда пеняй на себя.

И ушел.

А Димка растерянно убрал доллары из тарелки с кулебякой и нервно затеребил бахрому отуженной Асей скатерти:

— Черт, деспот проклятый! Черт, черт, вот ведь черт! Да подавись ты своими деньгами!!! — Он яростно швырнул доллары на пол.

«Гневная вспышка номер два, — грустно подумала Ася. — Точнее: *бледное подобие* гневной вспышки номер один».

— Что ж делать-то, Аська, а? — пробормотал Димка.

И она тихо произнесла:

— А что остается? Ты ведь обо всем уже договорился, за мандарины заплатил, не выкидывать же их теперь?..

— Асенька, но я правда не смогу ехать, — безнадёжно сказал Дима. — Ты еще не знаешь, что отец за человек... Во всем мире, по-моему, нет никого, кто ему перечить может...

— А кто говорит, что надо ехать тебе? — пожала плечами Ася. И не удержалась от шпильки: — К тому же тебе папа убытки уже компенсировал... А мандарины в Краснодар повезу я. Права у меня есть, и даже грузовые, в школе на УПК я «ЗИЛ» водить училась.

...Ровно через день — и уже за пятьсот километров от Москвы — Ася чувствовала себя самым несчастным человеком в мире. Рулить на грузовике, да по воспетым еще классиком русским дорогам оказалось сущим адом. Это тебе не послушная «Тойота» и не гладенькая Тверская. Тугой руль так и норовил вырваться из рук, каждый

выжим сцепления превращался в подвиг Геракла, и еще Ася постоянно боялась, когда в поле зрения попадала разная мелочь типа «Оки» — как бы не раздавить, габариты-то у ее грузовика гигантские. А уж когда такая махина по недосмотру ухает в яму — все кости гремят.

«Эх, Димка, Димка. Даже отговорить меня не попытался... — грустно думала она. — Как ты все-таки мог, а? Почему отпустил меня? Одну, на грузовике, в такую дорогу! Это счастье еще, что мне пока везет! Гаишники — мирные, машина — в порядке. Но что, интересно, будет, если я вдруг колесо проколю? Или бандиты с меня оброк за проезд по их территории потребуют? И еще вопрос — где ночевать? Чтобы, пока я почиваю, мои мандарины не растащили?»

...Веселый июньский закат между тем потихоньку сменился ночью — последний раз вспыхнуло и закатилось до утра солнце, посерел прозрачный летний воздух, почернели кромки деревьев. Ася ехала по объездной дороге мимо Воронежа — выросший по струнке сосновый лес и россыпь пустых канистр и бутылок по обочинам. «Коллеги» — то бишь другие дальнобойщики — потихоньку устраивались на ночлег: рискованные — на «диких» площадках для отдыха, осторожные — подле постов ГАИ. Асю оба варианта, по правде сказать, не устраивали: в одиночку страшно, а в

компании с другими водилами, явно голодными до женского общества, — еще страшней.

«Лучше до самого утра буду ехать, — решила она. — Пусть в темноте, пусть глаза уже слиплись — все равно. Пока еду, я от проблем *убегаю*. А встану — сейчас, в темноте — и проблемы тут же навалятся».

Но только остановиться ей пришлось все равно. Она ж не Димка, у нее нет такой Аси, которая бы в дорогу ее собрала. А самой ей сегодня с утра было не до того, чтобы запастись бутербродами и термосом с кофе. И потому сейчас, вечером, есть хотелось убийственно. Но без еды, знала Ася, человек может обходиться хоть три недели. А вот без воды — точнее, без доброго, чернейшего кофея — рулить проклятым грузовиком до безопасного утра она точно не сможет. Уснет. Ася даже представила: вот ее потерявшая управление фура сначала скользит по «пьяной» траектории вбок... падает, переворачивается... жалобно, ища асфальта, крутятся колеса... потом доктора с суровыми лицами пытаются вытащить ее тело из заклинившей двери кабины... а вездесущие мальчишки кидаются собирать рассыпавшиеся мандарины. И мандаринов этих — целое море. Пестрят, желтеют, слепят глаза...

«Похоже, я *уже* засыпаю», — перепугалась от воображаемой картинки Ася.

И, увидев первый же придорожный шалман, нажала на тормоза.

...Что удивительно, ей опять повезло — кафешка оказалась тихой и совсем мирной. Никаких горячих джигитов, потных коллег-водил и сомнительных юношей в спортивных костюмах — одна лишь сонная тетенька за стойкой бара.

— Кофе есть? — вихрем бросилась к ней Ася.

— Полно, — пожала плечами подавальщица. — Большую тебе чашку или маленькую?

— Мне... мне... вот такую. Для начала. — Ася ткнула пальцем в полулитровую пивную кружку.

— Серьезная заявка, — меланхолично проговорила тетенька. — И, наверно, двойной?

— А тройной можно? — просительно улыбнулась Ася.

— Не вопрос, — хмыкнула продавщица. И предложила: — Да ты садись, девушка. Я все принесу. Кофе и поешь, наверно?

— Да, — устало выдохнула Ася. И не села — рухнула на жесткий кафешечный стул (руки, уже по привычке, искали руля, а правая нога — педаль газа).

Впрочем, пивная кружка, полная щедрого, по-настоящему крепкого кофе, быстро привела ее в норму. И вторую порцию — уже не в пивной склянке, а в обычной чашечке — Ася пила неспешно, оглядывая кафе и в заляпанное оконце — его окрестности. Как тут, оказывается, кра-

сиво! Сосны стройнее, чем самые модные суперкрасотки. А воздух — прозрачный и чистый, даже несмотря на то, что мимо тысячи машин мчатся. Только все равно страшновато: в неизвестной кафешке, в ночи, а на обочине припаркованы ее мандарины. «Только б никого больше сюда не занесло», — боязливо думала Ася.

И вдруг, как назло, перед кафе притормозила еще одна машина. «Пассатик», не новый, пробег, судя по шуму, под двести тысяч, — машинально отметила Ася. — Будем надеяться, что местные мафиози на таких машинах не ездят».

Она не ошиблась: из «Пассата» вышел мирный на вид дедок. Серьезный, задумчивый, культурненький. Только борода несолидная — рыжая, как ее мандарины. Дедок тоже потребовал у подавальщицы кофе и, не обратив ни малейшего внимания на Асю, погрузился за соседний столик. Хлебает из своей чашки и хмурится: видно, что-то обдумывает. Ну а Ася, развлечения ради, все на него посматривает — целый же день, считай, в полном одиночестве: в дурацкой фуре даже магнитолы не оказалось. «Что, интересно, за дед? О чем так задумался? И куда едет? Может, он профессор? И переживает, что его студенты сессию плохо сдают? Или он доктор? И никак не может поставить диагноз сложному больному?.. Или...»

Мысли вдруг стали заплетаться. Вот стари-

чок, вот его рыжая борода... а теперь мандарины, целое море мандаринов... а потом — все. Ася уснула.

— Вот странно: чтоб мой кофе — и не помог?.. — удивленно пробормотала тетенька за стойкой.

...Спала Ася коротко и сон видела тоже короткий. Даже не сон — видение. И была в нем она сама — только совсем не такая, как сейчас. Вроде бы и глаза ее, такие же серые, только вокруг них целые сети морщинок. И рот тоже — весь в складках, и подбородок обвислый. А фигура — так вообще ужас. Задница — словно мешок с отрубями. Ножищи — слоновьи. «Это мне, наверно, лет уже много», — в ужасе подумала Ася.

— Нет. Не так уж и много, — вдруг услышала она чей-то бесстрастный голос. — Всего тридцать один. На десять больше, чем сейчас.

— Но почему? — попыталась выкрикнуть Ася.

Однако голос, как это бывает во сне, ей не повиновался.

А дальше она вдруг увидела Димку. Димочку Дементьева. Но только он ли это? Жалкий, хуже, чем старожилы из их Маркова, мужичонка. Руки трясутся, веко дрожит в нервном тике. «Он пьет. Он сильно пьет», — в ужасе поняла Ася. И снова попыталась спросить:

— Но зачем тебе это, Дима?!

В этот раз ее услышали — услышал сам Дима.

Он обратился к ней щербатый, ободранный рот и визгливо заголосил:

— Это все ты, сука! Это ты меня довела!!! Чтоб ты сдохла, дярёвня! Чтоб выблядки твои в огне сгорели! Всю жизнь мою, дармоеды, испоганили!

А дальше Ася увидела и «выблядков»: двух перепуганных детишек, мальчика и девочку. Малыши жались к ее ногам и жалобно плакали.

Дима же — точнее, жалкое подобие Димы — распаялся все больше и больше:

— Гнида ты подколотная! Это из-за тебя, только из-за тебя вся моя жизнь не задалась! Кабы не ты — у меня бы и бизнес был, и деньги, и уважение!..

Он наступал на нее, размахивал хилыми кулачками, Ася чувствовала тошнотворный запах перегара и гнилых зубов, но ни отстраниться, ни ответить не могла. Только в голове все повторялась-билась одна и та же мысль: «Боже, какой кошмар! Боже!!!»

И что самое ужасное — она отчего-то знала: этот ужас — не просто сон. Это — кошмарная явь, которая и вправду ждет ее через десять лет.

...Проснулась она, как и уснула, внезапно. Та же ночь, то же кафе. Только дедка за соседним столиком уже нет, а на часах — половина первого ночи, тетенька за стойкой совсем раззевалась. Ася похлопала глазами — как это ее так разморило? А вдруг, пока она дрыхла, ее фуру угнали?!

Она вскочила, бросилась к окну, но грузовик оказался на месте.

— Ф-фу... — облегченно выдохнула Ася.

— Пожалуй-ка, я тебе опять кофе сварю. Еще крепче, — задумчиво сказала подавальщица.

Прошло десять лет

Нынешний июнь выдался экстремальным: в тени жара за тридцать, а уж под солнцем, да в центре города, — там все пятьдесят. Москвичи, кто не смог удрать из столицы, прячутся по квартирам, терзают кондиционеры и завешивают окна мокрыми простынями. На улицах — почти никого, только машины в бесконечных пробках киснут. В торговле — мертвый сезон, одни продавцы мороженого процветают. И Лешка в котрый уже раз предлагает:

— Асенька, ну давай же поскорей отсюда сбегим!

Но Ася до поры только отмахивается — дел полно: то отчетность за полугодие, то поставщики хулиганят, то кондиционеры в одном из гипермаркетов полетели... Жару и заметить некогда.

— Смотри, госпожа Акимушкина, — пугал ее Леша. — Настоящей бизнес-каргой скоро станешь, морщинами обростешь. Ты ведь и так уже три года толком не отдыхала!

— Некогда мне, — ворчала Ася. — Езжай, если хочешь, сам.

— Будто я в одиночку, без тебя, отдохну... — вздыхал он. И, конечно, никуда не ехал.

Но когда июнь отцветал, Ася все же сдалась. В конце концов, вообще не ездят в отпуск только те, у кого бизнес еще не налажен. А ее сеть гипермаркетов «Аким» давно держится в пятерке самых стабильных предприятий столицы. Да и Лешку жаль — он человек творческий, у него без отдыха застой в фантазиях может случиться.

— Ну, Лешка, ликуй: можем мчаться, — наконец объявила она. — Куда поедем?

— На Майорку, конечно, — пожал плечами Алексей.

Ася не стала спрашивать, почему именно туда, — Лешка лучше ее самой знает, чего ей в данный момент хочется. Ася только начинает мечтать о выходных, скажем, в Лондоне — а он уже будто ее мысли прочел, спрашивает, удобно ли ей вылететь в ближайшую пятницу. Ну а если уж получалось уехать надолго и далеко, то можно не сомневаться: Лешка сплетет их отпуск в канву самых ярчайших и совершенно непредсказуемых ощущений: не знаешь, ждет ли тебя пятизвездочный отель или придется жить в рыбацкой деревеньке, или вовсе в палатке.

Сейчас Ася на всякий случай предупредила:

— Только, Леш, можно, чтоб на Майорке без

экзотики? В смысле, с нормальной ванной и кондиционером?..

— Спокойно, мадемуазель Акимушкина, — улыбнулся Леша. — В этот раз мы с тобой будем жить в собственной квартире. В городке Вальдемосса, может, знаешь такой?

— А с каких это пор у нас там квартира? — удивилась Ася.

— А с таких, милочка, что я — известный фотограф. И мои фотки продаются за хорошие деньги. За очень хорошие.

— М-да, Лешка, ты не перестаешь меня удивлять, — вздохнула Ася.

...Леша Летяев появился в ее жизни давно. Очень давно. Почти сразу же, как только Ася рассталась с Димкой Дементьевым.

Ася ушла от Димы еще тем «мандариновым июнем». Тут же, как вернулась — слава создателю, уже не на фуре, а самолетом — из Краснодара.

Даже сейчас, по прошествии десяти лет, Ася не уставала удивляться тому, что авантюра с мандаринами все же закончилась для нее вполне благополучно. И до Краснодара она доехала, и мало кому нужные зимние фрукты умудрилась распродать. И вернулась в Москву с первыми серьезными и лично заработанными деньгами. И с твердым намерением отправить своего «прекрасного принца» в отставку.

СОДЕРЖАНИЕ

МАНДАРИНОВЫЙ ИЮНЬ.	5
БЕЛЫЕ НОЧИ, СИНИЕ ДНИ.	37
\$1 000 000 НАЛИЧНЫМИ	70
ПАРАСЕЙЛ ПО-РУССКИ.	77
ЛЯГУШКА	89
ЧЕРНЫЙ КОНЕК.	111
КОРОЛЕВСКАЯ ЛОЖА.	122
ФОРЕЛЬ	142
ЛЮБОВЬ И ДИПЛОМ	162
ЛУЧШИЙ ДРУГ.	188
ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА.	218
ШТОРМ И ШТИЛЬ.	244
ТОККАТА РЕ МИНОР	266
ВИЗИТ СТАРОЙ ДАМЫ	292